

ОСТРОВ ХАЙНАНЬ

После обеда в ресторане с китайскими деликатесами мы осматривали достопримечательности Гуаньчжоу. От созерцания храмов и музеев я устаю больше чем от маршрутов по тайге. Поэтому с радостью вернулся в наше студенческое общежитие. Кусаинов сразу отправился в магазинчик консервированного пива. Я вышел на балюстраду общежития и вдруг услышал в соседней комнате русскую речь. Оказалось, что в ней живут три советских студента-китаиста, которые проходили стажировку в пекинском университете. Двое из них оказались из ленинградского университета. Студенты также воспользовались каникулами для путешествия по Китаю. Они рассказали, что купили билеты на судно, отправлявшееся на остров Хайнань в Южно-китайском море. Студенты удивились, что мы не собираемся плыть на Хайнань, так как это самое удивительное место во всем Китае. В южной части этого большого острова на одной из скал китайскими иероглифами написано, что именно здесь находится крайний юг Китая – «Край земли»

Хайнань находится на одной широте с Гавайями и имеет аналогичные климатические условия. Так, среднегодовая температура воздуха 26 градусов! Остров отделен от материка проливом Цуньчжоу, но морем от Гуанчжоу надо плыть больше суток.

Не раздумывая, мы купили билеты на тот же теплоход, что и студенты. И даже хотели поменяться местами с их соседями – китайцами, чтобы объединиться в шестиместной каюте. Но, к нашему удивлению, студенты заявили, что им интереснее общаться не с нами, а с китайцами, для того чтобы совершенствоваться в разговорном языке. На юге Китая население говорило с каким-то особым южным акцентом, и даже Кусаинов их не всегда понимал. Ну, мы, конечно, с пониманием отнеслись к позиции студентов, если надо для дела. Хотя мне очень хотелось говорить на русском.

Во время путешествия по Китаю к студентами примкнул англичанин Джон – преподаватель английского языка в одном из институтов Пекина. Он не отставал от ребят ни на шаг, так как всего окружающего панически боялся. Естественно, что англичанин плыл с ними на Хайнань.

Корабль отошел от пристани утром. Вначале мы плыли по Жемчужной реке, устье которой постепенно расширялось. В пятидесяти километрах южнее Гуаньчжоу прошли Тигровые ворота – Лунмэнь и вышли в морской залив.

Слева в синей дымнее виднелись острова, на которых располагался Гонконг. Справа показались острова Макао (Аомэнь) – в те времена португальская колония. Я стоял у борта трехпалубного теплохода около трех часов и никак не мог налюбоваться морем и заходящим солнцем.

Ко мне подошли студенты и сообщили, что записали нас троих специалистов на ужин в кают-компанию судна. С ребятами, конечно, находился Джон. Англичанин поражал меня удивительной болтливостью и невнятностью речи. Во всяком случае, я никак не мог понять его английский.

– Что он все время таскается за Вами? – спросил я ребят, имея в виду англичанина.

– Черт его знает, прицепился к нам еще в поезде и теперь не отходит ни на шаг.

– И как вы с ним общаетесь? Я его совершенно не понимаю. У него полная невнятность речи.

– Во-первых, мать у Джона итальянка, во-вторых, он не выговаривает пару букв и в этом есть своя прелесть, – заявили студенты, – мы, как будущие переводчики, должны уметь понимать любой сленг, или дефекты речи, и для нас это хорошая практика.

– Теперь мне ясно, отчего я плохо понимаю английский в исполнении китайцев, если их учат англичане с таким произношением. И почему люди с дефектами речи обязательно стремятся преподавать язык или стать логопедами.

– Почему Вы думаете, что люди с дефектами речи могут стать логопедами? – удивились студенты.

– В кабинет одного логопеда заглядывает пациент и бодрым голосом спрашивает: «Мона?»,

«Не мона, а нуна», – не менее бодро отвечает логопед.

Англичанин, облокотившись на леер и глядя в море, что-то недовольно бурчал.

– Я, например, сейчас его совершенно не понимаю, ни одного слова.

– Это потому, что сейчас он говорит на итальянском. Для нас это тоже практика.

– И чего он все время бубнит, а еще говорят, что англичане сдержанны и молчаливы.

– В любом правиле есть исключения, и это как раз тот случай, – засмеялись студенты.

– А чем он недоволен?

– Он боится, что корабль затонет, и нас съедят акулы.

– Да, говорят, что любимые слова белой акулы: «человек за бортом».

– На кораблях плавают люди разных национальностей. И что, акулы понимают все языки? – с удивлением и явной завистью спросили студенты.

«Вот и шути с филологами по поводу языков, как дети, все принимают за чистую монету», – подумал я.

– Общение между людьми и животными идет непосредственно из мозга в мозг через гипофиз и гипоталамус, и неважно, на каком языке человек думает или говорит, – весьма научнообразно разъяснил я. – Поэтому животные свободно общаются между собой и язык им не нужен.

Англичанин снова заныл, и я разобрал лишь слово «шаркс» – акулы.

– Переведите ему, что на каждом судне имеются спасательные жилеты и специальные свистки, для отпугивания акул.

Ребята перевели англичанину мои слова, на что он долго и недовольно бубнил.

– Чем он опять недоволен? – не выдержал я.

– Ему всю жизнь страшно не везет, и он чувствует, что и в этот раз ему будет хуже, чем другим.

– Мне тоже часто не везет, и подозреваю, что в случае катастрофы именно нам с ним достанутся либо испорчен-

ные свистки, либо попадутся глухие акулы. А в компании погибать веселее.

Ребята перевели англичанину мои перлы.

Он выслушал, горестно усмехнулся и, понимаясь глядя на меня, произнес без всякого итальянского акцента:

– Ес! Офкоз! (Да, конечно!)

Мне вдруг вспомнилась кипплинговская Чучундра, которая все время плакала и боялась, что кобры Наг и Нагайна ее съедят. Захотелось как-то развеселить англичанина.

– Переведите ему смешной анекдот, – попросил я ребята: – Белая акула жалуется подруге:

«Вчера съела аквалангиста в гидрокостюме и до сих пор во рту стоит противный вкус резины».

«Дура, их же чистить надо!» – усмехнулась подруга.

Ребята долго смеялись, смакуя анекдот, затем перевели его англичанину. Тот опять занял на англо-итальянском сленге.

– Анатолий Михайлович, давайте в присутствии Джона из уважения разговаривать между собой на английском языке, – обратились ко мне студенты.

Разговоры на английском мне уже порядком надоели, и хотелось насладиться общением на родном языке. Но в душе я гордился благородством наших студентов.

– Перед отъездом мы посмотрели художественный фильм «Тайны мадам Вонг», – пристали ко мне студенты, – скажите, что правда была такая пиратка?

– Почему была? Ее муж, господин Вонг Кунгкит, был известнейшим пиратом Южно-Китайского моря, по которому мы в данный момент плывем, и нажил огромное состояние на грабеже судов в его акватории. А после его смерти дело супруга продолжила жена мадам Вонг, ее так и не поймали.

– И она может напасть на наш корабль? – ужаснулись студенты.

– Конечно, особенно вечером и ночью. Вон, смотрите, нам навстречу идет какое-то судно с пиратским флагом.

– Где, где? – студенты перегнулись через леер, пытаюсь рассмотреть в вечернем сумраке моря пиратский корабль.

– Шутка, – успокоил я ребят, – а Джону не переводите этой истории, а то он всю ночь спать не будет и вам не даст.

Ночью поспать не удалось никому. На море разыгрался приличный шторм. Старое трехпалубное суденышко болтало из стороны в сторону, и лежать на койках стало невозможно. Всех укачало. Народ разместился вдоль бортов, отдавая дань Посейдону. Меня тоже слегка мутило.

В Хайкоу – город на северном побережье острова мы прибыли рано утром. И сразу поняли, что оказались за линией Северного тропика. Температура воздуха в феврале двадцать восемь градусов, растрепанные гривы кокосовых пальм склонились к ласковому теплему морю, а запахи диковинных цветов и фруктов просто ошеломляли.

Шустрые студенты быстро нашли автовокзал и купили билеты на микроавтобус, который отправлялся на юг и пересекал весь остров за восемь часов. Конечный пункт – город Саня на южном побережье.

Дорога шла мимо обширных плантаций кофе и каучуковых деревьев. На верхушках широколистных пальм виднелись тяжелые гроздья бананов, дынные плоды папайи свисали с невысоких деревьев.

Только к вечеру, когда над островом сгустилась тропическая ночь, наш микроавтобус пришел в Санию. От нагретой земли и невидимых растений исходили удивительные незнакомые запахи. Студенты договорились с водителем автобуса, и он за дополнительную плату подвез нас от автовокзала поближе к гостиницам туристического центра Дадунхай. Во главе с Кусаиновым студенты отправились в ночь искать ночлег. Гинтарас пошел немного прогуляться, а я остался на скамейке сторожить наши немногочисленные пожитки – несколько спортивных сумок со сменой белья, фотоаппаратами и масками для подводного плавания.

Англичанин остался со мной и вел себя отнюдь не с английской сдержанностью и невозмутимостью, а все время пытался завязать разговор, и мешал наслаждаться спокойствием и прелестью тропической ночи. Разговорный бытовой язык я понимал с большим трудом, а с такими дефектами речи общение с англичанином вообще не имело успеха. Односложно, но веско я отвечал «ес».

По поведению Джона и его настороженному озиранию по сторонам я догадался, что он чего-то боится – сначала заглянул под скамейку, на которой мы сидели, а потом внимательно осмотрел ствол рядом стоящей пальмы. Существует миллион способов элегантно напугать таких боязливых и осторожных людей, но англичанин меня не понял бы и эту, мысль, пришлось отставить.

Вернулись ребята и, подхватив сумки, повели нас в сторону моря, которое угадывалось в пространстве черным провалом. Мы подошли к какому-то одноэтажному ресторану. Рядом тихо плескалось море. Тусклый свет от балюстрады освещал всего несколько метров песчаного пляжа.

Ребята вступили в переговоры с администратором. Зная, что китайцы любят поторговаться, я отдал Гинтарасу свою сумку и направился к морю, ориентируясь на мягкий шелест волны по коралловому песку. Не успел я сделать несколько шагов, как соглашение о поселении заключили, и ребята толпой повалили внутрь помещения. Миновав столики с немногочисленными посетителями, мы зачем-то поднялись на сцену и прошли за кулисы. Там прямо на площадке, отделенной от шумного зала ресторана всего лишь тяжелым занавесом, предприимчивые китайцы разложили на полу деревянные пляжные лежаки. Две китайки положили на них матрасы и застелили желтоватыми, выдавшими виды простынями. Англичанин пустился в спор со студентами, видимо посчитав плату за такой комфорт слишком большой.

Геологи люди не притязательные и мне часто приходилось спать просто на земле, а о деньги на то и существуют, чтобы их тратить. Главное рядом находилось море и можно сразу искупаться.

Студенты уже договорись об ужине, и для нас в ресторане зарезервировали два столика.

– Мужики, – обратился я к студентам, – поужинать мы всегда успеем, но для начала надо искупаться в море. Зачем мы сюда ехали почти двое суток?

Мое предложение не вызвало большого энтузиазма и ребята склонялись к тому, чтобы перекусить, а потом немного погулять по берегу.

– Эх вы, романтики! Плыть такую даль, для того чтобы поужинать в ресторане? Это вы и в Пекине могли сделать.

Как хотите, а я пойду купаться. Заплыву в море, лягу на спину, раскину руки, и буду смотреть на звезды и галактики.

Я стал раздеваться. Студенты подумали и тоже стали раздеваться. Англичанин с ужасом смотрел на нас и, наконец, понял, что мы не переодеваемся к ужину, а собираемся в море.

– Вот ду ю вонт? (что вы хотите?) – закричал Джон, – There sharks, sharks! (там акулы, акулы), – и залопотал далее что-то на своем родном английском языке, за гранью моих лингвистических возможностей, повторяя слово Гонконг.

Оказалось, что англичанин рассказал, как акулы напали на людей в море у Гонконга, а мы находились значительно южнее, и акулы здесь свирепее и кровожаднее.

Ребята прекратили раздеваться, а Кусаинов даже стал одеваться. Одному без компании мне тоже не очень-то улыбалось плавать среди акул.

– Мужики, в Гонконге десятки людей каждый день попадают под автомобиль, и только на одного раз в несколько лет нападает акула – шансы одна миллиардная. И потом, что, акула сожрет сразу шестерых человек? Ну, одного, ну от силы двоих. Зато остальные дома смогут небрежно, но с гордостью сказать: «Купались ночью в море, а одного съела акула!» Не бойтесь, я поплыву первым.

Вот что значит сила убеждения. Студенты посовещались, со смехом ударили по рукам и стали раздеваться. Кусаинов с Гинтарасом тоже разделись. Англичанин бегал между ними, пытаясь образумить и, показывая на меня, что-то горячо лопотал. По наитию я понял, что он призывает всех остановиться и понаблюдать с берега как меня сожрет акула.

– Не поддавайтесь империалистическим инсинуациям, – предупредил я ребят, – продемонстрируем ему, что для

советских людей характерны мужество и жертвенность. Теперь уже только из принципа мы должны искупаться в ночном море, а ему напомните, как осторожные англичане бросили на растерзание немецким подлодкам свой собственный караван PQ-17

Полиглоты-студенты перевели англичанину мои слова. Он уничтожающе посмотрел на меня и демонстративно сбросил с ног сандалии, но почему-то остался в шортах.

– Если знать повадки хищников, то это значительно повышает шансы на выживание. – Мне захотелось немного успокоить студентов. – Акула не сразу бросается на человека. Сначала она делает большой круг и внимательно смотрит на пловца, затем еще круг, и опять смотрит, потом еще один круг. Так что успеете доплыть до берега.

– Это зачем она так делает? – заинтересовались студенты.

– Потому что не любит, есть людей со всем дерьмом.

– Ну, если съест не сразу, а с ритуальными кругами, то это же совсем другое дело, – засмеялись студенты.

Они перевел англичанину мои перлы, очень образно мимикой показывая поведение акулы. Когда англичанин взглянул на меня, я готов был побиться об заклад, что у него чешутся руки сделать интернациональный жест и покрутить пальцем у своего виска.

– Он говорит, что акула не может стоять на месте – перевели студенты горячий спич англичанина, – у нее нет плавательного пузыря, и в толще воды она держится за счет движения вперед. И если она остановится, то утонет.

– Это вы неправильно перевели, я говорил, не останавливается, а «смотрит». А еще говорят, что англичане обладают врожденным чувством юмора. Все, пошли в море.

Англичанин опять залопотал что-то на своем итало-английском диалекте, осложненном логопедическими изъ-

янами, и я уловил только вопрос: «Ду ю хев?» (вы имее-те?).

– Он спрашивает, есть ли у нас свистки для отпугивания акул, – перевели студенты.

– Скажите ему, что на самом деле свистки не отпугивают акул, а предназначены лишь для успокоения психики тонущих англичан.

Через боковой запасной выход на сцене мы спрыгнули на песчаный пляж и дружной толпой отправились к шумящему морю. Англичанин шел последним. У воды я снял свои плавки и оставил их на каменной скамейке, чтобы зря не мочить.

– Есть такое поверье, что голые мужчины привлекают русалок, которые, в свою очередь, отпугивают акул, – пояснил я ребятам, – переведите англичанину.

Вода оказалась прохладной, но вполне сносной как в Черном море или в бассейне. Такая температура воды для меня самая комфортная – когда быстро плывешь, то не перегреваешься. Под ногами чувствовался плотный песок со знаками волноприбойной ряби.

По моему примеру ребята тоже сняли плавки, и только англичанин остался в шортах.

– За мной! – скомандовал я, и смело пошел в глубину.

Ребята следовали на некотором удалении, справедливо полагая, что для демонстрации жертвенности советских людей вполне достаточно меня одного. Они готовы были в любую минуту слиться из воды, пока акула будет меня пожирать. Англичанин зашел в море только по щиколотку в зоне стопроцентной недосыгаемости акул.

Когда глубина достигла пояса, я нырнул и дельфином поплыл в открытое море. Метров через сто остановился, выровнял дыхание и, перевернувшись спину, раскинул руки. Соленая морская вода легко держала тело, а невысокая волна плавно раскачивала. В состоянии близком к восторгу

я рассматривал ночное небо и незнакомые созвездия. Миллиарды звезд бриллиантами сияли на черном бархате тропической ночи. Нарождающийся месяц висел кверху рогами, как и положено вблизи экватора.

«Раскрылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна!»
Вспомнилось мне.

Вдруг, что-то холодное и массивное коснулось моей левой ступни. Я вздрогнул и вспомнил об акулах. Живо представил себе как там, в глубине вокруг меня бесшумно описывает ритуальные круги зубастое чудовище, лишенное плавательного пузыря и обреченное на вечное движение. Быть может, сейчас она приноравливается схватить меня за ногу и утащить в темную бездну.

Рассчитывать на благосклонность русалок не приходилось. Наверное, я не в их вкусе или они просто не видят меня в такой темноте. А акулы хорошо чувствуют. Стыдно было примату, да еще специалисту высшей квалификации бояться какой-то примитивной рыбины, у которой даже и костей настоящих нет, одни хрящи. Но, на всякий случай, я развернулся и скоростным кролем помчался к берегу, освещенному светом ресторана. Ребята бултыхались на глубине чуть выше пояса, не решаясь заходить дальше, вполне согласные пожертвовать мной одним. Англичанин решил не искушать судьбу даже на мелководье и вышел на берег.

– Что так быстро плыл, аж запыхался? – с подозрением спросил Гинтарас.

Я не успел ответить. Вдруг из ресторана на пляж с криками и смехом вывалила толпа китайцев – эмигрантов хуацяо. Они бежали прямо к нашей одежде. В небо взлетела ракета, вторая и тут начался такой фейерверк, что у ресторана стало светло как днем. Салют в честь восточного Нового года по лунному календарю гремел так, что закладывало уши. Петарды завывали, словно падающие артил-

лерийские снаряды, а затем взрывались с оглушающим металлическим звоном. Очереди ракет одна за другой взлетали в ночное небо и рассыпались разноцветными огнями. На воткнутых в песок палках вращались и шипели огненные колеса. Китайцы прыгали, кричали и смеялись в свое удовольствие.

Я подплыл к ребятам, которые стояли по пояс в воде и смотрели на фейерверк.

– Что делать будем? – с легким укором спросили меня студенты. – Может они до утра здесь резвиться собираются.

Что ж, Судьба решила еще раз потешиться, выставив меня голым перед китайцами, но уже в компании.

– Юноши, разве это проблема? – успокоил я студентов. – Делаем так: я как самый волосатый, да еще с бородой, исполняю роль дядьки Черномора и выбегаю на берег первый, а вы сразу за мной. По моей команде начинаем орать во всю глотку, и бежим прямо на китайцев, ясно?

Мы направились к берегу. Китайцы совершенно не замечали нас в море на фоне черного неба. Когда воды стало по колено, я скомандовал:

– За мной! – и заорал «ура» что есть мочи.

Ребята дружно поддержали меня. У нас получилось на удивление мощно и слитно. Быть может, первый раз за всю историю эти тропические берега услышали не японское «банзай», а победоносное русское «ура».

Эффект превзошел даже мои ожидания. Когда китайцы увидели бегущих прямо на них совершенно голых орущих волосатых людей, то мужество их покинуло. С визгами неподдельного ужаса они бросились к освещенному ресторану и, через несколько секунд, пляж опустел. Сбежал даже англичанин.

Мы быстро надели плавки и помчались к нашему безопасному входу. Лестницы не было и пришлось подсажи-

вать друг друга. Чтобы не сорить отряхнули песок с пляжных тапок в открытую дверь.

Англичанин уже сидел на своем лежаке. Я вдруг понял, что он убежал с пляжа вместе с китайцами.

– Ну-ка спросите его, зачем он бежал с пляжа, – попросил я ребят.

– Он сказал, что все побежали, и он побежал, – перевел мне студент ответ англичанина.

Достав из сумки блокнот и ручку, англичанин принялся что-то записывать.

– Наверное, строчит заметку в «Таймс» о ночном захвате мирного ресторана на китайском острове Хайнань обнаглевшими советскими специалистами, – предположил я.

В ресторане мы уселись за наши столики. Ребята и Ку-саинов переводили меню с китайского. Я слушал и думал, как хорошо быть будунгом – никаких проблем: и в гостиницу определяют и накормят.

Центрально-китайская кухня, когда все блюда готовились в кипящем кунжутном масле, мне уже порядком надоела, а у литовца Гинтараса от этой пищи разыгрался острый гастрит.

Ребята спросили, что я желаю заказать. К тому времени я обнаружил в китайской кухне вполне съедобное и сытное блюдо: мелко рубленые сладкий стручковый перец со свиной. Правда, все равно это слегка обжаривалось в кипящем масле.

Официант развел руками, улыбнулся и произнес: – «мэйю», – что в переводе с китайского значило «нет».

– Трепанги со свиной, – поменял я заказ.

Официант предупредил, что мне придется немного подождать это блюдо. Я кивнул головой в знак согласия.

Пока ребята делали свой заказ, я вдруг заметил, что китайцам за соседним столиком подали на специальных подставках кокосовые орехи со срезанными верхушками.

Я ожидал, что китайцы станут через соломинки пить охлажденное кокосовое молоко, но они взяли в руки палочки и стали что-то быстро вытаскивать из орехов и есть. Стало ясно, что это какое-то экзотическое блюдо.

– Ребята, – обратился я к студентам, – закажите мне, пожалуйста, такое же блюдо в кокосовом орехе как у соседей.

Гинтарас с Кусаиновым заказали лягушачьи лапки в кисло-сладком соусе. На мой взгляд, этот соус делал все блюда однообразно похожими, что рыба, что курица, что змея. Но так как им принесли лягушачьи лапки раньше чем мне кокос, то я скромно угостился из их тарелок. Действительно, соус портил все дело.

Наконец принесли моих трепангов. Я дал всем попробовать и объяснил, что это блюдо удивительным образом сочетает морепродукты и мясо. Студенты стали расспрашивать меня о трепангах, так как их познания в этом вопросе ограничивались информацией, что трепанги это морские огурцы.

Трепанг

– Они вроде по дну ползают, – блеснул эрудицией один из студентов.

Трудно было удержаться, чтобы не разыграть гуманитариев.

– Хороши огурцы, опаснее акул будут.

– Они что же, хищники? – изумились студенты.

– Не совсем, они жуют ил, но так как им часто попадаются на пути различные моллюски, то они с удовольствием их разгрызают, так что зубы у них будь здоров.

– Они же, наверное, очень медлительные, – с надеждой спросили студенты.

– Ничего себе, медлительные, – хмыкнул я, – это пока они по дну ползут, но если взмутить воду или на них наступить, они приходят в бешенство и ка...а...ак прыгнут, – я сделал руками жест, подражая самозваной тетушке Чарли, когда она рассказывала про диких бразильских обезьян.

– Куда прыгнут? – не поняли студенты.

– И гениталии у мужчин как бритвой срезают, и пловцы защищают свое достоинство специальными устройствами типа гольфиков, только из нержавеющей стали или титана, – самозабвенно врал я.

Гинтарас и Кусаинов помалкивали и сосредоточенно доедали свои лягушачьи лапки. То ли они ничего не знали про физиологию трепангов, а может, поддерживали мой розыгрыш.

Но студенты сразу обо всем догадались,

– Гольфики это такие пуховые чехлы на гениталии, за которыми на полярных станциях новичков посылают на склад для смеха, – вспомнил один из студентов.

– Грешно кандидатам наук смеяться над студентами гуманитариями, – пристыдил меня второй студент, – мы же не потешаемся над Вашим знанием английского языка.

– Ребята, в геологии розыгрыш – это образ жизни. В действительности трепанг – общее название морских голо-

турий, которых употребляют в пищу. По форме трепанги похожи на городской батон светло-коричневого или темно-серого цвета. Некоторые из них достигают в длину сорока сантиметров. На спине у трепангов пять рядов мягких бугорков или коротких щупалец, а на брюшке имеются многочисленные ножки с присосками. Питаются они содержащимся в иле детритом.

– Как же их добывают сетями?

– Нет, собирают на дне пловцы. Потом их сушат, посыпая угольной пылью, чтобы они не испортились от солнечных лучей. Для приготовления блюд, заготовленные сушеные трепанги промывают в холодной воде и выдерживают сутки для набухания, меняя воду каждые пять часов. Затем их доводят до кипения, и оставляют в отваре на сутки. На другой день их потрошат, удаляя внутренности, промывают холодной водой, вновь доводят до кипения и вновь выдерживают в отваре в холодном месте. В общей сложности процесс промывания, кипячения и выдерживания трепангов проводят в течение пяти дней.

– Как сложно, вымачивать, несколько дней отваривать и охлаждать, – с сожалением произнес один из студентов, – не люблю готовить, и согласен есть самую простую пищу.

– Тогда запомни рецепт ирландского томатного супа: надо просто налить горячую воду в красную тарелку, – закончил я.

– Анатолий Михайлович, и как вы запоминаете столько анекдотов?

– Сам не понимаю, но вспоминаются они только к подходящему случаю, по ассоциации. Знать много анекдотов плохо: когда другие рассказывают – не смешно, а когда надо самому рассказать – путаешься. Вы лучше откройте секрет, как запомнить уйму иностранных слов и не только их значение, но и произношение.

– Практически все люди имеют способности к языкам и свободно владеют хотя бы одним. Следовательно, овладеть двумя, тремя или десятью языками это дело техники и терпения, – объяснил студент из МГУ.

– Просто надо каждый день заучивать два десятка слов, – добавил наш ленинградский студент.

– Один японец рассказывал, – вдруг вспомнилось мне по ассоциации, – как он изучал чрезвычайно трудный русский язык:

«За год я выучил тысячу слов, и теперь все они у меня здесь, – японец стукнул пальцем себе в лоб, – в зопе!»

Студенты заржали словно кони.

Наконец принесли мое блюдо в кокосовом орехе. Это оказались обжаренные и тушеные в кокосовом молоке кусочки курицы. На вкус – пища богов. Я дал всем попробовать из моего ореха, не побрезговал даже англичанин.

Ребята подозвали официанта и хотели заказать это блюдо всем.

– И мне тоже закажите, – воскликнул я, пытаясь достать со дна кокоса последний маленький кусочек курицы, оставшийся после массовой дегустации.

Официант развел руками, улыбнулся и произнес: – «мэйю», – что в переводе с китайского значило «нет».

Он предложил зайти завтра во второй половине дня. Но я подозревал, что завтра этого блюда уже не будет. И не ошибся. Я уже давно эмпирически вывел формулу: «если сильно хочется, то фиг получится».

– Пусть официант сходит к повару, и он запишет мне рецепт этого блюда, – попросил я ребят, и протянул официанту десять «золотых» юаней, которые свободно обменивались на валюту. Официант сбегал к повару и принес клочок бумаги с иероглифами. Кусаинов обещал сделать точный перевод рецепта с помощью словаря, но за время путешествия потерял бумажку.

На другой день я купил два очищенных от копры кокосовых ореха с молоком, для того чтобы дома приготовить для своих домашних это блюдо. Но молоко в орехах за время обратного пути скисло и стало непригодно для приготовления.

Рецепт этого блюда я, в конце концов, отыскал дома в своих кулинарных книгах. Оказалось, что оно с Антильских островов и похожий рецепт есть в тайской кухне. Небольшие кусочки курицы обжариваются в масле до готовности, добавляется лук, чеснок, куркума, свежий имбирь, перец чили и стакан кокосового молока. Все доводится до кипения, и, после снятия с огня, настаивается несколько минут. Готовое блюдо подают в кокосовом орехе. Отдельно подается сваренный на пару рис.

Но приготовить курицу в кокосовом молоке мне удалось лишь через восемь лет, когда я привез из Рио-де-Жанейро бутылочку сгущенного кокосового молока.

На другой день с утра мы втроем устроились на проживание в какой-то кирпичной хибаре на берегу Дадунхай. Дверь, окно, три койки и столик, вот и вся обстановка. Электричество отключали в десять часов вечера. Для полевого геолога вполне комфортные условия. Зато всего в сотне метров шумело Южно-китайское море.

Студенты поселились в городе ради языкового общения. Даже завидно стало, что у филологов такие жадные до знаний студенты. Эти станут первоклассными полиглотами.

На центральном пляже мы встретили много знакомых суленов, вместе с которыми я ехал в одном поезде. Они страшно жалели, что я без гитары и взяли с меня слово прислать им кассеты с магнитофонными записями песен бардов в моем исполнении.

Среди знакомых я увидел специалиста биолога. Он уже успел обгореть на солнце до мяса. Даже с лица у него

слезла кожа. Я обрадовался такой встрече, так как собирался понырять в маске у рифа и хотел, на всякий случай узнать, какие здесь водятся опасные и ядовитые животные.

Сначала биолог напугал меня перечислением множества видов акул, которых можно повстречать в водах Южно-Китайского моря: большая белая, тигровая, голубая, серая, рифовая, кошачья, колючая, бородатая, молотоголовая, и еще два десятка других.

Я вспомнил, как вчера ночью опрометчиво заплыл далеко в море. Но биолог ухмыльнулся своей облупленной физиономией и признался, что за последние десятилетия случаев нападений акул на человека в акватории острова Хайнань не зафиксировано.

Дальше он рассказал, что в бухте Дадунхай медуз практически нет. Но всегда надо помнить, что для большинства морских обитателей действует правило: чем они ярче окрашены, тем опаснее, это касается и медуз. Таких животных нельзя брать в руки. Чаще всего неприятности случаются от общения с ядовитыми колючими рыбами: скорпеновые, крылатки, скаты-хвостоколы, рыба-шар. Может встретиться синекольчатый осьминог – одно из самых ядовитых животных на планете. Если захочется подержать в ладонях милую крошку – синекольчатого осьминога, шансов остаться в живых будет очень мало.

Первый день мы провели на пляже, загораая на солнце и купаясь в море. Я даже не пошел обедать, а сбегал в нашу хижину и перекусил лапшой быстрого приготовления. Во второй половине дня на пляже развернулась эпопея с забрасыванием рыболовной сети типа нашего бредня с мотней, но совершенно невероятных размеров. Две лодки отвезли в море не меньше чем на километр конусообразный конец сети с шарообразным буйком на конце. Расстояние между крыльями сети около трехсот метров. Вытаскивание

сети заняло больше трех часов. Два десятка рыбаков терпеливо тянули на себя тросы. Отдыхающие тоже взялись помогать рыбакам. И, наконец, на берегу показались крылья бредня. Редко блестела на солнце запутавшаяся в сети мелкая сардинка.

Рыбалка гигантским бреднем.

Я прикидывал, какую уйму рыбы можно поймать таким гигантским бреднем. Особенно хотелось, чтобы в сети попала акула и с ней сфотографироваться. А если попадется несколько тунцов, то будет неплохо одного из них купить и засолить специальным посолом.

В Китае почти нет солений типа нашей селедки, огурцов или грибов. Единственное соление, которое мне удалось найти в китайской кухне это джусай – многолетнее травянистое растение, имеющее неповторимый луковчесночный вкус и замаринованное как черемша. Так что по солениям я тосковал. Но засолить и употреблять в пищу озерную или речную рыбу боялся из-за паразитов, которые в них наверняка водились. Другое дело морская рыба. В те годы в магазине на Невском проспекте продавали заморо-

женных тунцов. Такую рыбу я нарезал тонкими широкими ломтиками, укладывал на овальное блюдо, посыпал смесью соли с сахарным песком и поливал лимонным соком. Затем накрывал рыбу калькой и придавливал дощечкой с грузом. После суточной выдержки в холодильнике рыба приобретала божественный вкус.

Помогая рыбакам тащить сеть, я думал о засолке рыбы, прикидывая в уме, что все ингредиенты у меня имеются, и уже завтра можно угостить малосольной рыбой всех знакомых суленов, будунов и гамбеевцев.

Но меня ждало глубокое разочарование. Огромная мотня морского бредня оказалась туго набитой водорослями, из которых рыбакам удалось набрать около ведра сардинок и одну большую рыбину неизвестной мне породы, но похожую на тунца. Рыбаки разделили улов, и всем досталось по десятку сардин. Я нахально схватил большую рыбину за хвост и попросил какого-то иностранца меня сфотографировать.

Вот и весь улов.

Закат солнца застал меня на берегу моря под кокосовой пальмой. Пышущий жаром солнечный шар уже коснулся зеркальной поверхности отражающей лучи. Волна лениво набегала на песок пляжа и с легким шипеньем уползала обратно в море. Но по своей красоте закат на Белом море не хуже. Впрочем, такое сопоставление, вряд ли правомерно. На Белом море красота суровая и мужественная. На острове Хайнань красота Южно-китайского моря теплая и нежная, как ласка любимой женщины.

В полной темноте я вернулся в хижину, где застал Кусяинова и Гинтараса. Они уже давно вернулись из ресторана и отдыхали после обеда. Пока не вырубили электричество, я вскипятил воду и заварил в кружке лапшу быстрого приготовления. Сеит купил для меня в ресторане банку пива Циндао, и самое главное узнал у китайцев время отлива и прилива. Отлив начинался в пять утра. Время просто идеальное – и рассвет встречу и поброжу по берегу в поисках раковин.

Гинтарас рассказал, что в ресторане видел француженку Николь, с которой мы познакомились на корабле, и она, якобы, передавала мне привет. Высокая не очень красивая на первый взгляд молодая женщина имела совершенно обворожительную улыбку. Она полностью оправ-

дывала поговорку: «Нет женщин обаятельнее парижанок».

– Мне кажется, что ей уже за тридцать, – высказался Кусяинов.

– Ну и что, – немного обиделся Гинтарас, – говорят, что француженки все знают о любви только к сорока годам:

Николь преподавала французский язык в одном из Пекинских вузов и говорила на английском языке с очаровательным французским прононсом. Ее английский язык я вполне понимал и даже немного рассказал о себе и своих экспедициях.

Вечером француженка собиралась ужинать в том же ресторане. Я понял, что литовец явно лукавит. Ему хотелось выйти в свет, посидеть вечером в ресторанчике и поболтать с француженкой, а меня приглашал за компанию. Но я отказался, так как посиделкам в ресторанах всегда предпочитал костер на природе. А завтра надо встать в пять часов утра до начала отлива. Кусяинов тоже отказался идти в ресторан и завалился спать.

Гинтарас собрался идти в ресторан один. Но тут выключили свет. Найти дорогу в освещенный город легко, а вернуться назад в полной темноте и найти нашу хижину сложно. Гинтарас остался и тоже лег спать.

Будильник в наручных электронных часах запищал в пять часов утра. Не зажигая света, я оделся и вышел из хижины. Над морем полыхала заря. На ее фоне отчетливо выделялись силуэты кокосовых пальм. Их листья шевелил легкий бриз. Воздух, насыщенный запахами моря и цветов, ласкал обожженную на солнце кожу. В ожидании отлива я любовался фантастическим зрелищем. Это были минуты полного счастья и единения с природой.

Восход солнца над морем.

Благодаря отливу постепенно обнажился риф, сначала в виде архипелага мелких островов, затем объединившихся в мыс уходящий далеко в море. Идти пришлось в кроссовках, чтобы не порезать ноги об острые кораллы. На самом дальнем конце в лужицах мелкой воды копошились различные мелкие животные. Повсюду лежали разнообразные раковины. Я вдруг позавидовал биологам – какое это счастье изучать разную морскую живность.

Вскоре я набрал уже целый полиэтиленовый мешок раковин. Хотелось подарить их всем своим знакомым и друзьям. В сувенирных лавках я видел перстни, брелки и бусы из таких вот мелких раковин. Около края гряды я заметил в воде на глубине около метра крупную раковину. Она лежала на ровном песчаном дне кверху устьем. Подобных мелких раковин в моем мешке набралось десятка три, но эта просто громадина. Живо представил, как позавидуют мне Гинтарас с Кусаиновым. Я уже собрался прыгнуть в воду, чтобы подойти к раковине, как вдруг заметил, что в том месте, куда собирался поставить ногу, песок образует небольшое округлое возвышение диаметром около метра, слегка отличающееся по цвету. Древнее звериное чувство подсказало – в этом бугорке кроется опасность. Вероятно, это какая-то плоская рыба лежит на дне, закопавшись в песок в ожидании добычи. Брошенные в воду

камни рыбу не испугали, и тогда я решил ткнуть в нее кривой палкой, лежащей рядом с моей ногой между обломками кораллов. Но при попытке схватить палку она вдруг поползла, нырнула в воду и уплыла в море. Оказалось, это полутораметровая морская змея грелась на солнышке.

«Есть у нас все-таки ангел-хранитель», – заметил первый внутренний голос.

Крупный обломок мертвого коралла, брошенный в рыбу, наконец-то спугнул ее и она, взмутив воду, резким рывком ушла в глубину. Скорее всего, это был скат – хвосток. Я даже не успел его, как следует рассмотреть. Наступить на такую тварь – мало не показалось бы.

Раковина по-прежнему лежала на песчаном дне полово, уходящем в синюю таинственную глубину. Я надел маску и нырнул в воду. Рядом с раковиной обнаружил обломанную ветку белого коралла в очень приличном состоянии. И тут в кустике водорослей произошло какое-то движение. Набрав в легкие воздух, я нырнул посмотреть. Из водорослей пулей вылетел маленький хорошенький осьминожек. Первый раз в жизни я увидел живого головоногого моллюска. Пока хватало воздуха, я плыл за ним, и он выбросил мне навстречу чернильное облако.

Среди камней часто попадалась невзрачная раковина, напоминающая пуговицу – выпуклая и желтоватая с одной стороны и плоская и белая с противоположной. На плоской стороне виднелись спиралевидные бороздки, как и у обычных гастропод. Сначала я подумал, что это вершинки спиралевидных раковин, обточенные прибоем. Но тогда одни были бы больше разрушены, другие меньше. А тут все одинаковые. Я набрал пригоршню раковин, чтобы показать их биологу.

В небольшой лужице среди водорослей быстро мелькнуло какое-то животное и спряталось в расщелине между

камнями. Я подумал, что это краб и осторожно поднял камень. Под ним сидели два неизвестных мне существа, похожие на морские звезды. От небольшого пятиугольного тела отходили длинные шипастые щупальца. Но морские звезды двигаются медленно, а эти шустро перебрались под другой камень. Как потом выяснилось это были офиуры или змеехвостки из класса донных морских животных типа иглокожих. Я изловил пару животных и в полиэтиленовом мешке с морской водой, принес их в хижину, чтобы сфотографировать, а потом отпустить в море.

Офиуры.

В хижине Гинтарас и Кусаинов еще спали. Для фотосъемки мелких объектов нужны переходные кольца, позво-

ляющие делать снимки с близкого расстояния. Но они находились в сумке у Гинтараса. Я решил его не будить и немного вздремнуть в утренней прохладе. Шустрых офиур я посадил в миску, залил морской водой и поставил на широкий подоконник.

Проснулся я от истерического вопля, который издал Кусаинов. Оказывается, офиура выбралась из миски и поползла в сторону моря как раз по лицу Кусаинова. Сеит долго обвинял меня в умышленном хулиганстве, но тут же подобрел, получив в подарок несколько красивых раковин. Вторая офиура тем временем заползла под подушку Гинтараса. Он тоже огульно обвинил меня в издевательствах над животными. В конце концов, я сфотографировал офиур и отнес их на родной риф.

Целый день я не отходил от моря и большую часть времени проводил в воде. За что и поплатился. Из-за переохлаждения у меня заболело горло, и к утру поднялась температура. Восьмичасовой путь на автобусе до Хайкоу я провел в забытьи. Наш пароход отходил только утром, и надо было где-то переночевать, но все гостиницы оказались переполненными. Пока я сидел в холле одной из гостиниц, совершенно ошалевший от высокой температуры, Кусаинов стыдил администратора за отсутствие гостеприимства.

– Три профессора специально приехали из Советского Союза помочь вашей стране, а вы не можете поселить даже больного человека. А если он сейчас умрет? Кто будет виноват? Администратор! Это будет международный скандал.

Китайцы испугались и быстро нашли для нас трехместный номер. Посыльный сбегал в аптеку и принес лекарство, такое же каким меня вылечил Лао Ся. Сразу полегчало. Окна гостиницы выходили на море, и слышно было, как

грохочут штормовые волны, разбиваясь о каменный мол. И завтра осуществится моя давняя мечта – увидеть настоящий тропический шторм.